

УДК 340.158(470)«1936/37»

*Кодинцев А. Я.*  
*Kodintsev A. Ya.*

## **В НАЧАЛЕ ТЕРРОРА: ОРГАНЫ СОВЕТСКОЙ ЮСТИЦИИ В 1936 ГОДУ**

### **AT THE START OF TERROR: SOVIET JUDICIAL BODIES IN 1936**

Публикация описывает события, происходившие в разгар борьбы за власть в органах советской юстиции в первый год Большого террора. Отказ от законности и переход к террору крайне негативно сказался на деятельности советского правосудия.

The article describes the events that took place in the midst of the struggle for power in the Soviet judicial bodies in the first year of the Great Terror. Freedom from the rule of law and transition to terror had a very negative impact on the activities of Soviet justice.

*Ключевые слова:* Большой террор, судебный надзор, Пленум Верховного Суда СССР.  
*Keywords:* Great Terror, judicial supervision, Plenum of the Supreme Court of the USSR.

В 1936–1938 гг. борьба за власть в органах юстиции достигла наивысшей точки. Статья продолжает цикл публикаций, посвященных борьбе за власть в системе советской юстиции. Прокурор СССР (Вышинский) вел сложную интригу. Вышинскому удалось убедить руководство страны в необходимости административного контроля над судами в СССР. Но чтобы его позиция не была одинокой, он договорился с другими руководителями юстиции. Таким образом, все кроме А. Н. Винокурова (председатель Верховного Суда СССР) как бы поддерживали позицию Вышинского. Ульриху Вышинский пообещал помощь в создании независимого Главного военного суда (далее – ГВС). Крыленко он предложил пост наркома юстиции СССР. Группы Вышинского и Крыленко объединились против группы Винокурова. Крыленко, заключая сделку со своим заклятым врагом, сделал такое замечание на одном из совещаний: «Если для дела нужно подружиться с чертом, значит, подружиться с чертом». Дружба с «чертом» стоила Крыленко жизни. План Крыленко – Вышинского поддается реконструкции на основании их совместных заявлений в 1936 г. Он предполагал ликвидацию президиумов и пленумов судов, ограничение круга лиц, которые могли приносить протесты в порядке надзора, Пленум ВС СССР действует через НКЮ СССР, судебно-надзорную коллегию ВС СССР ликвидировать, сконцентрировать жалобы на работников юстиции в Прокуратуре [3, 4, 10, 11, 27].

1 июня 1936 г. вышла статья Вышинского «Расширение советской демократии и суд». Прокурор призвал ввести НКЮ СССР как орган управления юстицией. Через 12 дней вышла статья Крыленко «О суде и праве в эпоху социализма». Автор попытался сформулировать задачи органов юстиции на ближайшие годы. Статья содержала одобрительные высказывания в адрес Вышинского. Затем последовала серия аналогичных выступлений. Так юристов приучали к идее о сближении двух «вождей». Крыленко, намечая функции наркомата, сделал такое заявление: «НКЮ ограничен лишь в одном – отменять судебные решения он не может, но имеет право делать предложения судам. При несогласии с Верховным Судом он может ставить вопрос в вышестоящие органы» [5, 12]. Всем стало ясно, что произошел сговор Вышинского и Крыленко против Винокурова. Как выразилась судья Свердловского областного суда М. М. Иоффе: «отношения Вышинского с Крыленко – это борьба за портфель (против Винокурова), которая длилась вплоть до решения февральского пленума ЦК». В июне 1936 г. состоялось совещание членов ВС СССР. На нем часть судей выступила против создания НКЮ СССР. Другие предлагали подчинить НКЮ суд и прокуратуру (Ульрих). Третьи выска-

зывались за выделение прокуратуры из НКЮ и подчинение ему только судов (Вышинский). Четвертые предлагали создать НКЮ «для координации суда и прокуратуры» (Винокуров).

29 июня в «Правде» вышла статья В. П. Антонова-Саратовского «Наркомюст или Наркомсуд?». Председатель уголовно-судебной коллегии ВС СССР разумно возражал против модели органов юстиции, которую предлагал Вышинский. Действительно, терминологически неточно было бы называть новое судебное ведомство наркомюстом, так как прокуратура – тоже орган юстиции. Но и называть его наркомсудом неправильно, ведь ему должны были подчиняться адвокатура, нотариат и т. д. НКЮ можно было бы назвать НКЮ, только, если бы ему подчинялись все органы юстиции. Что-то похожее и предлагал Антонов-Саратовский, возражая против выделения прокуратуры и рекомендуя передать следствие в НКЮ. В конце концов, не суть важно, чем бы занимался Наркомюст. Гораздо более важным представлялся вопрос о месте НКЮ в системе государственных органов. Никто не думал, зачем нужен этот орган, а каждый хотел получить свою часть власти. Передел полномочий приводил к неожиданным и парадоксальным ведомственным конструкциям. Антонов-Саратовский предлагал старое решение, предполагающее подчиненное положение НКЮ в роли технического органа. При этом наркомат мог участвовать в работе всех органов юстиции, чем бы и оправдывалось его название. Для удовлетворения амбиций Крыленко получал в административное управление следствие, адвокатуру, нотариат и ряд других органов [1, 21, 38].

Такие идеи не устраивали «двух друзей», и они бросились в бой. 8 июля в своей статье Крыленко обвинил судью в выхолащивании идеи НКЮ. Будущий нарком ссылаясь на ст. 72, 76 проекта Конституции, в которых наркоматы объявлялись органами государственного управления. Действительно, как же должны были соотноситься функции ВС СССР и НКЮ СССР? Зачем НКЮ, если по проекту ВС СССР – высший судебный орган страны? Проект Конституции предусматривал надзорные функции Верховного Суда СССР. Но что считать надзором? Винокуров всегда трактовал надзор расширительно и включал в него административное управление судами. Вышинский и Крыленко стремились всячески уменьшить это понятие. Но у них не было общего мнения о характере взаимоотношений НКЮ и Верховного Суда. Вышинский предлагал превратить ВС СССР в ведомство, подчиненное НКЮ, а Крыленко пытался договориться и был готов делить полномочия, по крайней мере, на словах. Крыленко возмущала отводимая НКЮ роль «завхоза». Вышинский его критиковал, указывая на странность положения, когда Прокурор СССР, будучи заместителем наркома юстиции СССР, должен надзирать за своим начальником. При этом он «не замечал», что независимое положение суда, предусмотренное по проекту Конституции, очень странно сочетается с управлением судом со стороны НКЮ СССР. Также Вышинский категорически возражал против передачи предварительного следствия под контроль НКЮ или судов. Совершая подтасовки фактов, он утверждал, что следствие есть вид прокурорской деятельности. Согласно Вышинскому и Тадевосяну (начальник отдела жалоб Прокуратуры) в НКЮ следствию не будет хорошо. Непонятно было, почему ему будет хорошо в Прокуратуре СССР [3, 4, 13, 22, 23].

В июле шли жаркие дебаты о структуре и отношениях в системе органов юстиции. 7 июля на пленуме конституционной комиссии было принято принципиальное решение о создании НКЮ СССР. Винокуров оказался в одиночестве. Функции судебного управления передавались от коллегий ВС СССР в НКЮ, за исключением военной коллегии (будущего Главного военного суда). 20 июля 1936 г. вышло постановление ЦИК и СНК СССР об образовании объединенного (союзно-республиканского) НКЮ СССР. Согласно п. 2 постановления прокуратура и следствие выделялись из системы НКЮ союзных республик и подчинялись Прокурору СССР, то есть победил Вышинский. Сам документ вызывает недоумение. Во-первых, в п. 3 декларировалась необходимость создания единого союзного законодательства для гражданского, уголовного и процессуального права, но было неясно, кто его должен разрабатывать. Во-вторых, было неясно, чем будет заниматься НКЮ СССР? Может быть, руководить судами? Но об этом в тексте постановления ничего не говорилось. Постановле-

ние как бы приглашало Председателя ВС СССР и наркома юстиции СССР к схватке за власть, и она не замедлила возобновиться. Вышинский вдруг «проникается» нуждами НКЮ СССР и до конца 1936 г. активно поддерживает Крыленко против Винокурова, демонстрируя тем самым, что он не преследовал никакой корыстной цели, захватывая прокуратуру. Позиции Крыленко были неустойчивыми. Он возглавлял ведомство без полномочий и боролся с Винокуровым за «одеяло власти» [9, 25].

Еще 15 июля 1936 г. на Всесоюзном совещании прокурорских работников Вышинский и Крыленко выступили с согласованной позицией по будущей структуре органов юстиции. Вскоре Крыленко собрал июльское совещание судебных работников РСФСР (фактически судебных работников всего СССР). Участники совещаний апеллировали к проекту Сталинской Конституции. Но в проекте разграничение функций НКЮ СССР и ВС СССР не было четко определено. Проблема заключалась в отграничении функций надзора от управления. Суды, прежде всего их президиумы, осуществляя надзор, выносили решения управленческого характера в отношении судей, нарушающих закон. Теперь согласно замыслу Крыленко, надлежало оставить надзор судам, а управление НКЮ. Николай Васильевич наступал на надзорные функции президиумов судов. По мнению наркома, НКЮ должен был отвечать за судебную политику всей судебной системы. НКЮ не должен отменять судебные решения, не может обжаловать их в вышестоящем судебном органе или в высшем законодательном органе страны. ВС СССР может выпускать циркуляры и указания, но только по согласованию с наркоматом юстиции. Крыленко предлагал «сжать судебный надзор до максимума радикальным путем» [8, 10, 14, 15, 23].

Радикальные планы Крыленко встретили возражения со стороны участников июльского совещания. За редким исключением, большинство судебных работников поддержало позицию Винокурова. Он предлагал сократить функцию надзора, но в разумных пределах. Пусть НКЮ наблюдает за судебной политикой и входит со своими предложениями, но только через ВС СССР. НКЮ организует суды, готовит кадры, проекты законодательства, руководит защитой и т. д. То есть НКЮ получал организационные, а не управленческие права. Нельзя Верховный Суд превращать в консультативный орган НКЮ (по мнению Винокурова). Большинство работников указывали, что ликвидация президиумов приведет к росту надзорных дел в Верховных Судах. Пусть НКЮ осуществляет управление через президиумы. Высказывались опасения, что концентрация надзорных дел в ВС СССР урежет права национальных республик. Предлагалось не создавать НКЮ в большинстве республик. Компромисс был предложен Берманом. По его мнению, руководство судебной политикой не может быть проведено без участия НКЮ. Решения должны были утверждать ВС и НКЮ СССР в равной степени. Берман призывал к «взаимозависимости ВС и НКЮ». В сложившейся ситуации – это, возможно, было самым разумным поведением. Но борьба продолжалась. Несмотря на протесты, была принята резолюция, призывавшая ограничить судебный надзор и подчинить Верховный Суд НКЮ [8, 9, 22, 23, 24].

23–27 июля проходил 55 Пленум Верховного Суда СССР. На пленуме Крыленко и Вышинский вели себя грубо. Защищаясь, Винокуров отстаивал свою точку зрения. По мнению Крыленко, «судебный надзор – это затребование конкретных дел в порядке, установленном законом, и изменение или отмена решений». При этом он вновь ссылаясь на статьи 72 и 76 проекта Конституции, а его противники на 112 статью. С одной стороны, существует НКЮ СССР – орган, который, возможно, будет руководить судебной системой, а с другой стороны, «суд независим и подчиняется только закону». Ответ Крыленко на это был однозначным – «противоречия нет». Вышинский скромно признавался, что «мы» просили пленум конституционной комиссии, чтобы ВС СССР возглавил суды, а он не согласился. По его мнению, «организация-значит и управление», «судебный надзор и надзор за судебной деятельностью одно и то же». Вышинский указал членам ВС, что они слишком много совещаются, и заявил, что ВС СССР больше не может издавать директивы. В качестве примера про-

курор сравнивал НКЮ СССР с Министерством юстиции империи. При этом он скромно умолчал, что в систему Минюста входила и прокуратура [2, 27].

Выступления в следующие дни повторяли затянувшуюся дискуссию. Большинство судей выступили против ликвидации президиумов и предлагали создать на худой конец областные отделы юстиции. Все были обеспокоены бюрократизацией судебной системы, возмущались секретностью при разработке проектов структуры органов юстиции. Выступление Антонова-Саратовского закончилось фразой: «От надзорной функции Крыленко оставил «рожки да ножки». Если это надо для дела – хорошо, но Крыленко от этого самому будет хуже. ВС же вообще потеряет свое лицо». Отстаивая теорию широкого надзора, председатель уголовно-судебной коллегии включал в него кассационный надзор, надзор по жалобам и протестам, затребование дел в порядке надзора, ревизии, изучение практики и вынесение определений ВС СССР.

Судебная система СССР раскололась. На стороне группы Винокурова оказались судьи Верховного Суда СССР, в том числе руководство (Антонов-Саратовский, Васильев-Южин, Пилявский, Мерэн, Межин, Бранденбургский, Солодилов), работники юстиции Киргизии и Грузии. За группу Вышинского – Крыленко выступили Ульрих, руководство российской, белорусской, узбекской, украинской юстицией. Многие участники совещаний выступала за тех и за других. В конце совещания Вышинский и Крыленко угрожали, что расправятся над Винокуровым [27].

В конце июля Винокуров выступил в защиту надзора. Председатель утверждал, что ограничение надзора ухудшит контроль исполнения. В конечном счете, Винокуров уже соглашался с ограничением надзорных инстанций, с ликвидацией президиумов в судах, с передачей надзорных дел в коллегии. Также он был согласен выпускать акты по согласованию с НКЮ. Характер этих согласований неясен, но постановления ВС СССР должны были быть окончательными. Расставаясь с частью управленческих функций, Винокуров предлагал расширить права ВС СССР за счет превращения его в кассационный орган по отношению к верховным судам союзных республик. 31 июля Винокуров представил в комиссию ЦИК СССР поправки на летние проекты Вышинского. В частности, глава Верховного Суда предложил заменить слово «судебный надзор» ВС за судами на слово «надзор». Предлагал фразу «НКЮ руководит судебной политикой всех судов» заменить на «руководит основными вопросами судебной политики». По его мнению, пусть НКЮ делает предложения, обязательные для всех судов СССР, кроме ВС СССР. Нельзя запрещать Верховному Суду давать разъяснения по вопросам судебной практики. Необходимо ввести председателей верховных судов союзных республик в ВС СССР. В ответ на это комиссия серьезно обсуждала предложения лишить Верховный Суд права обсуждать судебную политику, отобрать кассационные права, передать утверждение надзорных дел в НКЮ. Споры о соотношении понятий «судебный надзор», «надзор за судебной деятельностью», «судебные функции», «судебное управление» продолжались в течение полугода. Известный историк советской юстиции М. В. Кожевников впоследствии назвал взаимоотношения НКЮ и ВС СССР в тот период «ненормальными». 22 сентября заместитель председателя ВС СССР Красиков направил Сталину письмо, в котором точка зрения «ограничителей надзора» подвергалась обоснованной критике. В том числе автор письма указывал на парадоксальность ситуации, по которой судебный орган оторван от вынесения общих решений в порядке надзора [2, 9, 15, 16, 25, 26, 31].

Крыленко предлагал свои компромиссные решения. 10 августа нарком издал циркуляр № 21/с. Он отказался от узкого понимания судебного надзора (истребование и разрешение дел) и включил в него обсуждение вопросов судебной политики, вынесение развернутых решений по этим делам, носящих общий руководящий характер. Такие же права наравне с Верховным Судом должен был иметь и НКЮ. Это не разрешало конфликт, но могло быть истолковано как приглашение к компромиссу. Одновременно проект положения о НКЮ СССР предполагал предоставление административным органам права дачи обязательных

указаний по вопросам судебной политики. Специальная комиссия СНК СССР с участием Чубаря и Антипова рассмотрела проект. Они отказали Крыленко в праве прямого назначения судей [32–33, 34].

Прокурора СССР компромисс не устраивал. Статья 113 Конституции позволяла Прокурору СССР контролировать все наркоматы и подведомственные им учреждения, в том числе и суды.

Осенью 1936 г. Винокуров внес на 19 и 20 заседания комиссии ЦИК и в редакционную комиссию по выработке Конституции новые варианты полномочий ВС СССР. Верховный Суд должен подчиняться только Верховному Совету СССР; ВС отказывается от надзорных функций, получает кассационные жалобы (накануне принятия решения о превращении Верховного Суда в единственный надзорный орган он стремился избавить его от «надзорной» обузы); ВС освобождается от спецсудов. Комиссия ЦИК 9 сентября отвергла предложения Винокурова и приняла проект Вышинского-Крыленко. Благодаря позиции Сталина из 220 членов редакционной комиссии только Винокуров проголосовал «за» свои предложения. В окончательной редакции Конституции ст. 104 проекта была изменена. Теперь на Верховный Суд СССР не возлагался надзор за деятельностью всех судебных органов Союза ССР и союзных республик, а только надзор за судебной деятельностью всех судебных органов Союза ССР и союзных республик. 17 сентября было принято постановление ЦИК СССР. ВС СССР обвинялся в недостаточной оперативности, в плохом участии в политических кампаниях. ВС СССР якобы не боролся за повышение качества работы судов, не реализовал постановление 1935 г. о подготовке кадров [6, 17, 20, 23, 28, 47, 35].

В декабре была принята Конституция СССР и одновременно 8 декабря положение о НКЮ СССР. Первой задачей НКЮ являлась организация и руководство деятельностью судебных учреждений (п. 1 положения). В том числе НКЮ получил право давать судам общие указания в целях обеспечения правильности и единообразия. Характер взаимоотношений НКЮ и ВС СССР оставался неясным. Расплывчатая формулировка «наблюдение» позволяла НКЮ СССР вмешиваться в непосредственную деятельность судов. Накануне нового Пленума ВС СССР Винокуров и Крыленко были вызваны в ЦК ВКП(б) к Пятницкому. Было составлено письмо, определявшее взаимоотношения ВС СССР и НКЮ СССР. Верховный Суд сохранил право осуществлять надзор в части истребования дел, а также надзор за судебной деятельностью всех судов. Верховный Суд мог требовать дела в выборочном порядке, по группам, вносить их на разрешение Пленума, выносить на Пленуме по этим делам решения, давать в решениях Пленума разъяснения по принципиальным вопросам права. Решения Пленума были обязательны для всех судов. Все иные руководящие указания дает НКЮ. Обследование судов ВС СССР проводит по согласованию с НКЮ. ЦК категорически запретил споры по организационным вопросам [7, 18, 36].

16–17 декабря состоялся скандальный 56 Пленум Верховного Суда СССР. Винокуров продолжал настаивать на директивных правах ВС. Участники Пленума стремились продемонстрировать верность Крыленко и Вышинскому. Так Э. М. Удрис, председатель Верховного суда Узбекской ССР, заявил: «Если в прошлом нами никто не руководил, никто нас не подготавливал, за исключением Верховного Суда Союза, то сегодня мы имеем хозяина, который нам поможет, который будет нами руководить и нас защищать тогда, когда мы правильно будем проводить революционную законность». Вышинский настоял на снятии отчетных докладов председателей всех коллегий с рассмотрения на Пленуме, так как они касались судебного управления. Как обычно, в наглой безапелляционной форме Вышинский указал пределы полномочий ВС СССР: «Впредь ни на одном пленуме не должно быть поставлено никаких отчетных докладов». Также Прокурор СССР потребовал отменить целый ряд постановлений ВС СССР, и все его предложения были приняты. Председатели коллегий поддерживали Прокурора СССР. По постановлению Пленума надзорная работа ВС СССР заключалась в истребовании из союзных республик дел по отдельным категориям для проверки; ис-

требование дел для обобщения судебной практики было возможно лишь по согласованию с НКЮ СССР; обследование судов было возможно только по согласованию с НКЮ; ВС СССР был обязан сообщать в НКЮ о недочетах. По мнению Крыленко, за Верховным Судом сохранялось право выносить частные определения, но не руководящие разъяснения [19, 21, 24, 33, 29, 37].

Постепенно Николай Васильевич укреплял свое влияние в системе юстиции. С августа выходили циркуляры по деятельности судов. 17 октября 1936 г. состоялось первое оперативное совещание при НКЮ СССР. На нем должны были присутствовать председатель ВС СССР и председатели верховных судов республик, их заместители и председатели коллегий. Большинство вопросов, рассматриваемых на совещаниях, было связано с судебной политикой и деятельностью судов. На 6 оперативном совещании 22 декабря было принято туманное постановление: «Разъяснения по запросам о применении действующих законов даются Наркоматом Юстиции только в порядке руководства местными органами юстиции» [30].

В ходе интриг и борьбы Вышинский достиг следующего этапа при укреплении личной власти. Стравив высших руководителей юстиции, он добился их ослабления. Винокуров и Крыленко были дискредитированы и кланы, стоявшие за ними, оказались под угрозой массовых репрессий. Впервые произошло резкое усиление органов прокуратуры относительно других органов юстиции. Оставалось сделать всего лишь один шаг для начала взаимного избиения кадров.

### Литература

1. Антонов-Саратовский В. П. Наркомюст или Наркомсуд? // Правда. 1936. 29.06. С. 3.
2. Винокуров, А. Проект Конституции Союза ССР и судебные органы // Социалистическая Законность. 1936. № 9. С. 24–27.
3. Вышинский А. Новая конституция СССР и органы юстиции // Проблемы уголовной политики. М., 1936. Кн. 3. С. 23–27.
4. Вышинский А. Сталинская конституция и задачи органов юстиции // Социалистическая Законность. 1936. № 8. С. 18–21.
5. Вышинский А. Расширение советской демократии и суд // Известия. 1936. 01.06. С. 3.
6. Голунский. Нужна ясность // Социалистическая Законность. 1936. № 11. С. 12–15.
7. История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры. 1917–1954 гг. : сб. документов. М., 1955. С. 556.
8. К итогам июльского совещания руководящих судебных работников в РСФСР // Советская Юстиция. 1936. № 24. С.3-7.
9. Кожевников М. В. История советского суда. М., 1957.
10. Крыленко Н. Задачи судебных органов в связи с проектом Конституции // Советская Юстиция. 1936. № 26. С. 7–8.
11. Крыленко Н. К новым победам // Социалистическая Законность. 1936. № 8. С. 24–27.
12. Крыленко Н. О суде и праве в эпоху социализма // Известия. 1936. 12.06. С. 3.
13. Крыленко Н. В. Наркомюст или Наркомсуд? (ответ тов. Антонову-Саратовскому) // Правда. 1936. 08.07. С. 2.
14. Крыленко Н. В. Суд и прокуратура по проекту Конституции СССР // Советская Юстиция. 1936. № 20. С. 3–4.
15. Крыленко. Наркомат юстиции Союза ССР и его задачи // Советская Юстиция. 1936. № 23. С. 1–3.
16. Крыленко Н. В. Союзно-республиканский наркомат юстиции // Правда. 1936. 27.07. С. 2.
17. Крыленко Н. В. Задачи судебных органов в связи с проектом Конституции // Советская Юстиция. 1936. № 26. С. 7–8.
18. Крыленко Н. Народный комиссариат юстиции // Известия. 1936. 10.12. С. 3.

19. Крыленко Н. В. Сталинская Конституция и задачи судебных органов // Советская Юстиция. 1937. № 5. С. 12–13.
20. Лезов И. Л. Советский суд в 1917–1940 : дисс. ... к. ю. н. М., 1998. Л. 122–126.
21. Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 1998. С. 171.
22. Тадевосян В. Сталинский проект социалистической Конституции и наши задачи // Советская Юстиция. 1936. № 22. С. 3–4.
23. Ч. На совещании руководящих судебных работников РСФСР // Советская Юстиция. 1936. № 24. С. 11–14.
24. Шкрыль Е. О. Становление и организационно-правовое развитие судебного управления и судебного надзора в РСФСР (1917–1940 гг.) : историко-правовое исследование : дисс. ... к. ю. н. Ростов н/Д, 2005. Л. 66–68.
25. ГАРФ. Ф. Р–3316. ОП. 28. Д. 196. Л. 60–151.
26. ГАРФ. Ф. Р–3316. ОП. 40. Д. 12. Л. 54–59.
27. ГАРФ. Ф. Р–9474. ОП. 1. Д. 100. Л. 1–428.
28. ГАРФ. Ф. Р–9474. ОП. 1. Д. 101. Л. 1–186.
29. ГАРФ. Ф. Р–9474. ОП. 1. Д. 104. Л. 180–190.
30. ГАРФ. Ф. Р–9492. ОП. 1. Д. 1. Л. 1–53.
31. ГАРФ. Ф. Р–9492. ОП. 1. Д. 12. Л. 1–21.
32. ГАРФ. Ф. Р–9492. ОП. 1а. Д. 1. Л. 8–9.
33. РГАСПИ. Ф. 78. ОП. 1. Д. 576. Л. 3–6.
34. РГАСПИ. Ф. 82. ОП. 2. Д. 892. Л. 2.
35. ЦАМО. Ф. 1936. ОП. 2. Д. 7. Л. 2.9–13, 46–56.
36. ЦАОПИМ. Ф. 1936. ОП. 2. Д. 2. Л. 130.
37. ЦАОПИМ. Ф. 1936. ОП. 2. Д. 5. Л. 57.
38. ЦДООСО. Ф. 2113. ОП. 1. Д. 19. Л. 25.